

Въ мрачной думѣ вождь верховный,
 Послѣ тягостнаго дня,
 Одинокъ сидѣть безмолвно
 У отраднаго огня.
 Все вокругъ его дышало
 Незабвенной стариной
 И невольно вспоминало
 Славу жизни молодой:
 Шлемы, панцыри и латы,
 И тяжелые булаты,
 Иззубренные въ бояхъ,
 Передъ нимъ въ отцовской сѣни
 Отсвѣчались на стѣнахъ —
 И порой какъ будто тѣни
 Трепетали на гробахъ.

V.

Охранитель беззащитныхъ,
 Раболѣпственныхъ владыкъ,
 Онъ на битвахъ кроволитныхъ
 Былъ отваженъ и великъ;
 Самъ орелъ Капитолійскій
 Рогъ гордыни Италійской,
 Для тирановъ роковой,
 Не возмогъ стереть кичливо
 Надъ его вольнолюбивой,
 Серебристой головой *).
 Только разъ онъ, въ вихрѣ боя,
 Паль разбитый и отъ ранъ;
 Но тогда его, героя,
 Побѣдилъ Коріоланъ.
 Это имя было казнью
 Въ непокорныхъ племенахъ
 И съ невольною боязнью
 Повторялось на устахъ;
 Это имя ужасало
 И народы, и царей,
 И, какъ буря, навѣвало
 Хладъ на души матерей...

*) Да простятъ мнѣ, изъ уваженія къ памяти Коріолана, поэтическую вольность, съ которой приписалъ я много рѣдкихъ достоинствъ едва извѣстному по исторіи Аттію Туллу. Коріоланъ достоинъ былъ имѣть знаменитаго соперника на поприщѣ славы. А. П.